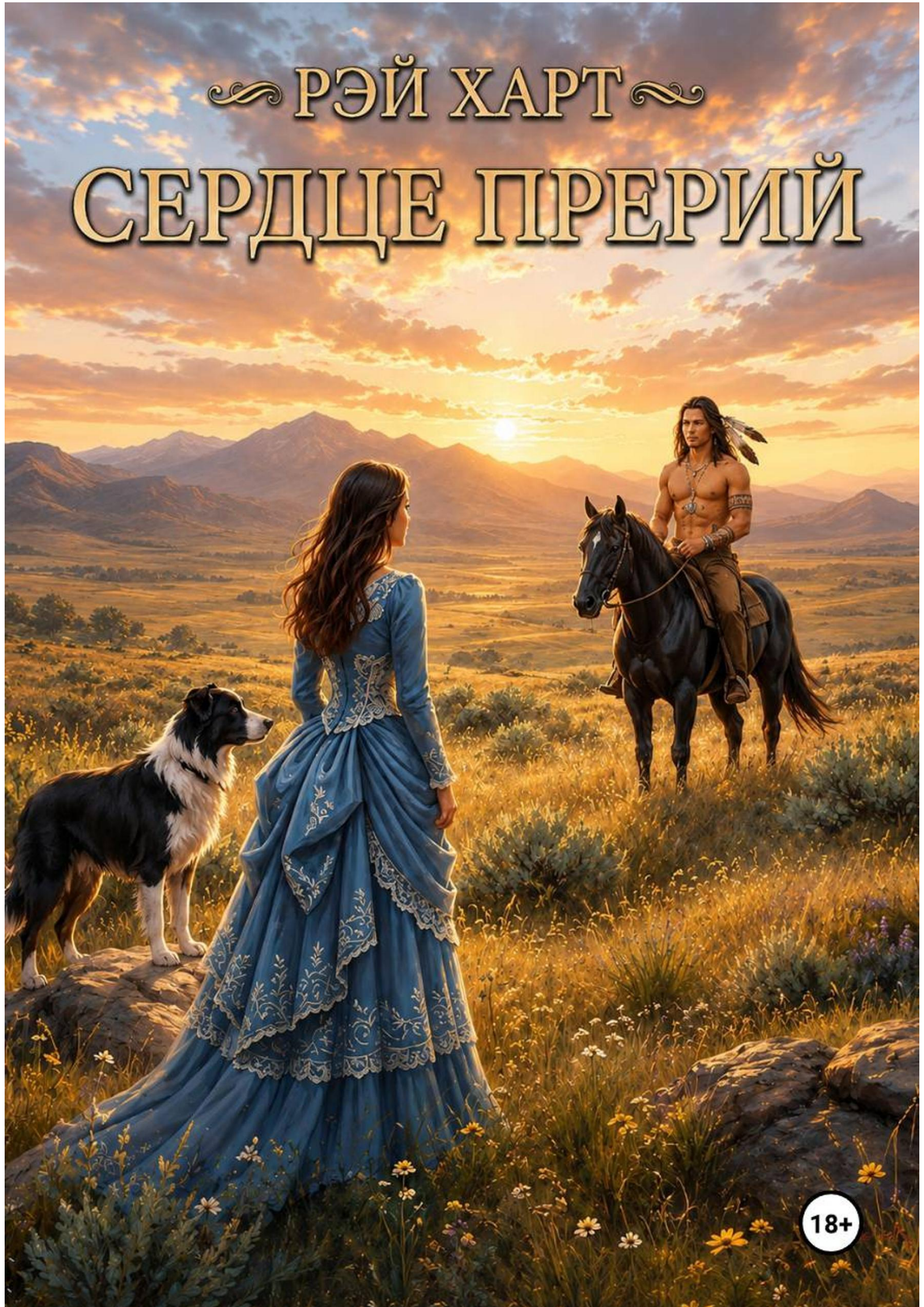

≈ РЭЙ ХАРТ ≈
СЕРДЦЕ ПРЕРИЙ

18+

Рэй Харт
Сердце прерии

«Автор»

2026

Харт Р.

Сердце прерии / Р. Харт — «Автор», 2026

Кэтрин Харрис мечтала о спокойной жизни на ранчо, но судьба распорядилась иначе. Похищенная воинами сиу, она попадает в стойбище, где её жизнь становится наградой для победителя ритуального боя. Тот, кто выйдет победителем, — загадочный полукровка с серыми глазами по имени Мато — не похож на других. Он говорит по-английски, защищает её от диких зверей и не требует ничего взамен. Пока отряд шерифа и верные подруги прочёсывают прерию, а из Лондона спешат Николас и Джоан, Кэтрин понимает: её сердце остаётся в горах — с тем, кто спас её ценой собственной жизни. Но сможет ли любовь преодолеть пропасть между двумя мирами? «Сердце прерии» — захватывающее продолжение бестселлера «Три всадницы». История о смелости, чести и любви, которая не знает границ.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Сердце прерии

Глава 1.

Утро над прерией разливалось, как густой мёд с золотым отливом. Солнце только-только показалось из-за холмов, и его первые лучи, ещё робкие и прохладные, скользнули по бескрайнему морю ковыля, заставив каждую травинку засверкать, будто её окропили росой. Воздух, чистый и прозрачный, пах разнотравьем остывшей за ночь землёй и далёкой свежестью озера — тем особым, утренним запахом, от которого хочется глубоко вздохнуть и улыбнуться без причины.

Три всадницы выехали из Твин-Форкса, когда город ещё спал. Копыта их лошадей мягко ступали по пыльной дороге, не поднимая шума, и только изредка позвякивали удила, нарушая благословенную тишину. Впереди, на гнедой кобыле с белой отметиной на лбу, ехала Люси Уолш — белокурая, с сияющими глазами, в которых плескалось озорство. Её волосы, сегодня распущенные и прихваченные лишь узкой розовой лентой, развевались по ветру, как шёлковое знамя. За ней, чуть правее, держалась Сара Кендал — в строгой амазонке, с очками на носу и видом учительницы, которая, впрочем, тоже не прочь пошалить, если никто не видит. Замыкала шествие Кэтрин Харрис — самая юная, самая задорная, с тёмными косами, уложенными короной, и румянцем на светлых щеках.

Они не торопились.

Дорога свернула к холмам, и оттуда открылся вид на бескрайнюю прерию, где небо сходилось с землёй в одной далёкой, манящей точке. Ветер, пробежавший по траве, принёс с собой аромат диких роз, что цвели в низине, и сладкий запах клевера.

— Боже, как хорошо, — выдохнула Люси, придерживая лошадь и оглядываясь. — Грудь распирает от этого воздуха. Хочется петь, или смеяться, или просто стоять и смотреть.

— Тогда пой, — усмехнулась Сара, подъезжая ближе. — Только не слишком громко, а то перепугаешь птиц.

— Я хорошо пою, — парировала Люси и, не удержавшись, всё же тихонько затянула какую-то весёлую песенку без слов.

Кэтрин рассмеялась — звонко, по-детски, и её смех разлетелся над полем, как стайка испуганных воробьёв.

— Если бы Николас вас слышал, он сказал бы, что вы ведёте себя не как леди.

— А мы и не леди, — Люси подмигнула. — Мы — бывшие разбойницы, забыла? Правда, теперь уже в отставке.

— На заслуженном отдыхе, — поправила Сара. — С полным пансионом и яблочным пирогом по воскресеньям.

Они рассмеялись уже втроём, и этот смех, лёгкий, беззаботный, казалось, разогнал последние облака с неба. Солнце поднялось выше, и воздух стал теплее, ласковее. Где-то в траве застрекотал кузнечик, ему ответил другой, третий — и вот уже вся прерия зазвенела сотней голосов.

— А знаете, — сказала Кэтрин, когда они въехали в тенистую рощицу у подножия холма, — я до сих пор не могу поверить, что это всё случилось. Их свадьба... она была как сон.

— Какой сон? — переспросила Люси, придерживая лошадь. — Хороший или странный?

— Самый лучший, — Кэтрин мечтательно закрыла глаза. — Цветы повсюду, музыка, танцы до упаду, и все такие счастливые... Я даже видела, как старый Пенн прослезился, когда Джоан выходила из церкви.

— Старый Пенн всегда плачет на свадьбах, — заметила Сара. — Он плакал, когда его собственную дочь выдавали замуж, и когда кузнец женился в третий раз. Это у него профессиональное.

— Зато Джоан не плакала, — с гордостью сказала Люси. — Никогда не плачет наша предводительница. Хотя, думаю, внутри у неё всё трепетало. Такое платье! Вы видели это платье?

— Видели, — хором ответили Сара и Кэтрин.

Платье Джоан в тот день было предметом всеобщего восхищения и пересудов. Не белое — слишком банально для такой необычной невесты, а цвета слоновой кости, с тончайшей вышивкой по подолу и рукавам. Вышивку делала сама Джоан — месяца два, при свете лампы, часто до рассвета. Золотые и серебряные нити вились по ткани, изображая дикие розы, ковыль и — если присмотреться — трёх всадниц на лошадях, почти невидимых среди цветов. Фата, длинная, воздушная, спадала с высокой причёски, в которой были заколоты живые ландыши — их прислали из Денвера специальным фургоном, и они не завяли в дороге, будто сама природа решила благословить этот союз.

— А танцы! — продолжала Люси, увлекаясь. — Помните, как Николас танцевал с каждой из нас? С тобой, Сара, он прошёл кадрили, со мной — вальс, а с Кэтрин — польку. Но когда танец кончался, он всё равно смотрел на Джоан. Даже когда разговаривал с другими — смотрел на неё.

— Он всегда на неё смотрит, — сказала Сара. — Как на чудо. Как на спасение. Может быть, так и есть.

Кэтрин вздохнула — не грустно, а скорее задумчиво.

— Она изменила его, — тихо сказала она. — Мой брат... он был таким замкнутым, когда мы приехали сюда. Всё время настороже, будто ждал удара. А теперь он смеётся. По-настоящему. И спит спокойно. Я даже слышала, как он поёт в конюшне.

— Поёт? — Люси приподняла бровь. — Что поёт?

— Не знаю, — Кэтрин пожала плечами. — Что-то про любовь и море. Я не стала долго подслушивать. Это слишком личное.

Они выехали из рощицы на открытое место, и перед ними открылся вид на озеро — то самое, где стоял домик Джоан. Вода сегодня была необыкновенной: бирюзовой у берега и тёмно-синей на глубине, с золотыми бликами от солнца. Старые дубы, обнимавшие домик, стояли зелёные и пышные, а на крыльце, свернувшись клубком, спала Гроза — большая чёрная собака, которая теперь жила у Кэтрин на ранчо, потому что Джоан не могла взять её в Лондон.

— Гроза скучает, — заметила Сара, глядя на собаку. — Лежит и вздыхает.

— Мы все скучаем, — сказала Люси. — Но Джоан должна была это сделать. Вы же знаете.

Кэтрин кивнула. Тема была щекотливой, но они уже обсуждали её сто раз — и всё равно возвращались.

— Тот конверт, — начала Кэтрин. — Николас отдал его Джоан за несколько месяцев до свадьбы. Она открыла его утром, перед венчанием. Я видела её лицо, когда она читала. Сначала она побледнела, потом покраснела, потом заплакала и я не знаю, от счастья или горя были эти слёзы.

— Да, ни слова не сказала, — продолжила Сара. — Просто стояла с этим письмом и дрожала. Николас подошёл, обнял её, и она прошептала: «Они живы. Они в Лондоне. Мои родители».

Повисла пауза. Ветер принёс запах воды и мокрых камней. Где-то на середине озера плеснула рыба.

— И они не искали её все эти годы? — спросила Кэтрин, хотя знала ответ.

— Письмо было от частного сыщика, которого нанял Николас, — объяснила Сара. — Он нашёл их через старые церковные книги и записи в приюте. Оказывается, отец Джоан — английский аристократ, который приезжал в Америку по делам, влюбился в девушку из

приличной, но обедневшей семьи. Они обвенчались тайно, родилась Джоан, а потом... потом дедушка Джоан со стороны матери, узнав, что зять — католик и вообще иностранец, выкрал у них дочь и отдал бандитам. А те в свою очередь подкинули её в приют, после того как приехали в наш город. Родители Джоан, долго искали свою дочь, но никаких следов и зацепок. Они так и не смогли её найти.

— Не смогли или не захотели? — горько спросила Кэтрин.

— Этого никто не знает, — ответила Люси. — Даже сыщик. В письме говорилось только, что они живы, здоровы, живут в Лондоне в достатке — дед-аристократ в конце концов простил сына и принял их обратно. Но Джоан... так и осталось потерянной для них.

— Поэтому она и поехала, — заключила Сара. — Не чтобы упрекать. А чтобы увидеться. Что заставило деда так поступить с внучкой? Возможно Джоан хочет посмотреть ему в глаза. Такая уж наша предводительница.

— И Николас поехал с ней, — добавила Кэтрин. — Бросил отель, ранчо, всё. Сказал, что фонд на нас, а он должен быть рядом с женой. Что муж не отпускает жену в такую дорогу одну.

— Он хороший, — тихо сказала Люси. — Твой брат, дорогая. Иногда я думаю, что он слишком хороший для этого мира.

— Нет такого понятия — слишком хороший, — возразила Сара. — Есть понятие — настоящий. А он настоящий.

Они замолчали, глядя на озеро. Солнце поднялось уже высоко, и вода заискрилась тысячами бликов, будто кто-то рассыпал по ней горсть золотых монет. Тени от дубов стали короче, и воздух наполнился полуденным теплом — тем самым, которое заставляет лениться и мечтать.

— А каков Лондон? — спросила вдруг Кэтрин. — Вы читали о нём в книгах?

— Сара читала, — усмехнулась Люси. — Она всё читает. Я только картинки смотрела в газетах, которые мистер Пенн привозит из Денвера. Говорят, там дома выше, чем наши дубы, и улицы вымощены камнем, и экипажей так много, что пешеходу не пройти.

— И воздух там, наверное, совсем другой, — задумчиво произнесла Сара. — Не такой, как здесь. Пахнет углём, дымом, сотнями людей. И морем. Говорят, от Темзы всегда пахнет морем, даже в центре города.

— Джоан никогда не видела моря, — вспомнила Люси. — Она говорила, что мечтает посмотреть на него хотя бы раз. Теперь увидит.

— И Николас увидит, — кивнула Кэтрин. — Он тоже никогда не был в Лондоне. Только в Нью-Йорке. А Нью-Йорк — это не Лондон. Там всё по-другому: язык, люди, обычаи.

— Они справятся, — уверенно сказала Люси. — Джоан не из тех, кто теряется в незнакомой обстановке. Она в любой дыре найдёт, как себя вести. Вдвоём они кого угодно за пояс заткнут.

Сара тихонько рассмеялась.

— Представляю их на каком-нибудь лондонском балу. Джоан в настоящем бальном платье с кринолином и кружевами. И Николас во фраке. И все вокруг шепчутся: «Кто эти красавцы? Откуда они?»

— А она скажет: «Из Техаса, сэр», — подхватила Люси. — И никто не поверит, что в Техасе есть такие леди.

— В Техасе есть всё, — назидательно заметила Кэтрин. — Особенно теперь, когда там поселились Харрисы.

Они рассмеялись снова, и этот смех, лёгкий и радостный, поплыл над озером, будто стая белых птиц.

Потом они спешили у домика Джоан — пустого, но аккуратного. Кэтрин привезла ключ, и они вошли внутрь. В доме пахло сушёными травами, красками и чем-то ещё, неуловимым, что напоминало о Джоан. На мольберте стояла неоконченная картина — портрет Нико-

ласа, тот самый, который она рисовала по памяти. Теперь он был почти дописан: глаза смотрели с холста с той самой насмешливой нежностью, которая сводила Джоан с ума.

— Она его так и не закончила, — заметила Сара.

— Потому что теперь он всегда рядом, — ответила Люси. — Зачем заканчивать портрет, если оригинал каждый день перед глазами?

Они прошли в комнату, сели за стол — тот самый, где когда-то пили чай, ели пирог и строили планы. Гроза, учуяв их, заскреблась в дверь, и Кэтрин впустила её. Собака радостно завилась хвостом, обнюхала каждую, легла у печи — и вздохнула, как человек.

— Скучает, — повторила Кэтрин, она поставила чайник на растопленную печь. — Мы все скучаем. Но они вернуться.

— Конечно, вернуться, — сказала Сара. — Их дом здесь. В Твин-Форксе.

— А если нет? — тихо спросила Люси, и в её голосе впервые прозвучала неуверенность. — Если Джоан найдёт в Лондоне то, чего ей здесь не хватало? Семью, прошлое, место, где она родилась?

— Её семья — мы, — отрезала Сара. — А прошлое у неё было тяжёлым. Она не захочет там остаться. Да и Николас... он ради неё на всё готов, но он тоже любит прерию. Он говорил, что здесь его сердце успокаивается.

— Сердце успокаивается там, где любимый человек, — философски заметила Кэтрин. — А любимый человек у него — Джоан. Так что где Джоан, там и его сердце. Она помолчала и добавила:

— Но я верю, они вернуться. Она не из тех, кто бросает своих.

Люси и Сара переглянулись и кивнули.

— Тогда поднимем тост, — сказала Люси, девушки заварили чай и разлили его по кружкам. — За Джоан и Николаса. За их путешествие. За то, чтобы они нашли ответы и вернулись домой.

— За любовь, — добавила Сара.

— За сестёр, — улыбнулась Кэтрин.

Они чокнулись кружками, и чай, тёплый и сладкий, обжёг губы. Гроза подняла голову, посмотрела на них умными чёрными глазами, словно спрашивая: «А мне?», но тут же снова улеглась, довольная и тихая.

За окном сияло солнце, и озеро переливалось всеми оттенками синего и зелёного. Где-то далеко, за океаном, в туманном Лондоне, две фигуры шли по набережной Темзы, держась за руки. Им предстояло трудное свидание с прошлым, но в этом залогом было их будущее.

А здесь, в Твин-Форксе, три женщины сидели в доме у озера, пили чай и ждали. Потому что ждать — это тоже любить. И они умели любить — беззаветно, по-настоящему, как умеют только те, кто однажды рисковал всем ради другого.

Глава 2

Обратная дорога к ранчо «Белая грива» тянулась через холмы, где бывало ковыль рос по колено лошади, а воздух становился таким прозрачным, что, казалось, можно дотянуться рукой до далёких синих гор на горизонте. Кэтрин ехала впереди, чуть прищипывая свою каурю кобылу, и её тёмные косы, выбившиеся из-под шляпки, плясали на ветру. Рядом, высунув язык и радостно повилывая хвостом, бежала Гроза — большая чёрная собака, которая после отъезда Джоан привязалась к Кэтрин с такой преданностью, будто знала её всю жизнь.

— Вы не обязаны меня провожать, — сказала Кэтрин, обернувшись к подругам. — Дорога знакомая, я доеду сама.

— Обязаны, — отрезала Люси, подъезжая ближе. — Одной ехать опасно.

— Мы рядом, — тихо добавила Сара, поправляя очки. — И потом, нам по пути. Фонд требует отчётов, а у меня в конторе остались бумаги.

Кэтрин улыбнулась, польщенная заботой, и хотела было ответить какой-нибудь шуткой — но в этот момент небо над головой дрогнуло.

Сначала ей показалось, что просто набежало облако. Солнце ещё светило, но его лучи вдруг стали совершенно плоскими, безжизненными, будто кто-то прикрыл лампу тряпкой. Она подняла голову и увидела, как с запада, оттуда, где прерия упиралась в скалистые уступы, ползёт тяжёлая, свинцовая туча. Она росла на глазах, разбухая, как чудовищный зверь, раскрывающий пасть.

— Что это? — спросила Кэтрин, придерживая лошадь.

Люси тоже заметила. Её весёлое лицо вдруг стало суровым. Она натянула поводья, заставляя гнедую остановиться, и прищурилась, вглядываясь в горизонт.

— Песчаная буря, — сказала она негромко. — Я такие видела, когда мы с Джоан только начинали свои вылазки. Она налетает внезапно, и тогда ни зги не видно.

— Нужно укрыться, — Сара огляделась по сторонам. — Здесь нет ни дома, ни роши. Только холмы и скалы вон там, у старого русла.

— Не успеем, — покачала головой Люси. — Буря быстрее лошади.

Небо темнело с каждой секундой. Солнце исчезло, будто его проглотили, и воздух наполнился странным, зловещим гулом — не то ветер, не то земля дрожит. Ковыль пригнулся к земле, и по нему побежали серые волны, как по воде перед штормом. Птицы, ещё минуту назад щебетавшие в траве, смолкли. Только Гроза, большая чёрная собака, остановилась, подняла морду и зарычала — глухо, протяжно, как рычат перед бедой.

— Тихо, — Кэтрин наклонилась и погладила её по загривку. — Тихо, девочка. Всё будет хорошо.

Но в её собственной груди вдруг защемило. Предчувствие — липкое, холодное, как змея, заползшая за пазуху, — сжало сердце. Она посмотрела на Люси: та побледнела, и на лбу у неё выступили капельки пота, хотя ветер, налетевший первым порывом, был холодным, как дыхание склепа. Сара кусала губы и теребила поводья — её пальцы дрожали.

— Что с вами? — спросила Кэтрин, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Это просто буря. Переждём — и поедем дальше.

— Не просто буря, — выдохнула Люси. — Я... я не знаю, как объяснить. У меня внутри всё оборвалось. Как будто... как будто кто-то наступил на могилу.

— Глупости, — Кэтрин заставила себя улыбнуться. — Джоан всегда говорила, что ты слишком много фантазируешь.

— Джоан нет здесь, — жёстко сказала Сара. — А предчувствие есть.

Ветер ударил внезапно, со всей силы, будто невидимый великан размахнулся и обрушил на них кулак. Лошади заржали, шарахнулись в стороны, затанцевали на месте. Гроза зарычала громче, оскалив клыки, и шерсть на её загривке встала дыбом.

— Держите лошадей! — крикнула Люси, перекрывая вой ветра. — Не дайте им понести!

Кэтрин вцепилась в поводья, прижалась к шее кобылы, чувствуя, как та дрожит крупной дрожью. Шляпка — миленькая голубая шляпка с вуалью, которую она так любила, — сорвалась с её головы и полетела, кружась, как сухой лист.

— Ах, чёрт! — Кэтрин спрыгнула с лошади, не думая об опасности. — Я сейчас!

— Стой! — закричала Сара. — Кэтрин, вернись!

— Не надо! — вторила Люси. — Оставь её!

Но Кэтрин уже бежала, пригнувшись к земле, за шляпкой, которая кувыркалась по сухой траве, подпрыгивая на кочках, как живая. Ветер хлестал в лицо песком, песок забивался в глаза, в рот, под воротник рубашки. Она почти догнала шляпку, протянула руку — и в этот момент из-за отвесной скалы, что нависала над старым руслом, вылетели всадники.

Их было пятеро. Или шестеро — песок слепил глаза, и Кэтрин не могла сосчитать. Но она увидела их лица — скуластые, тёмные, пересечённые белыми и красными полосами боевой раскраски. Чёрные волосы, распущенные или заплетённые в тугие косы, развевались за спиной, как крылья хищных птиц. Обнажённые по пояс с боевой раскраской лиц и тел. На ногах кожаные мокасины. В руках — луки, натянутые, с оперёнными стрелами, направленными прямо на девушек.

— Индейцы! — заорала Люси, хватаясь за револьвер. — Кэтрин, беги!

Первая стрела просвистела в воздухе — низко, над самой землёй, и вонзилась в седельную сумку Сары, пробив кожу насквозь. Вторая ударила в лук седла Люси, выбив сноп щепок.

— Чёрт! — Люси выхватила револьвер и выстрелила, не целясь. Пуля ушла в небо, но индейцы — те, что были ближе, — пригнулись, и лошади их, наученные бою, метнулись в стороны, не сбиваясь с галопа.

Сара стреляла следом — аккуратно, как учил её Джоан: выдох, плавное нажатие на курок. Один из воинов вскрикнул — пуля задела ему плечо, и он выпустил лук из рук, но не упал, удержался в седле.

Кэтрин, наконец, поняла, что происходит. Она бросила шляпку — она улетела в сторону скал, голубое пятно на сером фоне, — и рванула обратно к лошади. Но песок под ногами был зыбким, как вода. Она споткнулась, упала на колени, обдирая ладони.

— Кэтрин! — Люси прыгнула с лошади, побежала к ней, стреляя на ходу. Ещё один индеец покачнулся в седле — пуля попала ему в бедро, и он заорал, но не громко, а как-то приглушённо, будто выплёвывая боль вместе с дыханием.

Сара осталась верхом, прикрывая их огнём. Её револьвер щёлкал выстрелами, и каждый раз, когда пуля находила цель, она вздрагивала — не от страха, а от отвращения к тому, что приходится ранить. Но выбора не было.

Песчаная буря накрыла их окончательно. Воздух стал коричневым, непроглядным. Ветер выл, как голодный волк, и в этом вое тонули крики, выстрелы, топот копыт. Кэтрин побежала в сторону Люси — но не успела.

Сильная, жилистая рука обхватила её поперёк пояса, оторвала от земли. Она закричала, забилась, пытаясь вырваться, но хватка была железной. Её прижали к лошадиной груди, и она почувствовала запах дыма, кожи и пота. Увидела край раскрашенного лица — чёрные глаза без блеска, белые зубы, сжатые в усмешке.

— Пусти! — закричала она по-английски, потом по-испански, потом просто отчаянно забилась.

Индеец не ответил. Он развернул лошадь и поскакал в сторону скал, туда, где песок был гуще, а ветер злее. Его товарищи, прикрывая отход, выпустили ещё две стрелы — одна прожужжала над головой Сары, сбив с неё очки, вторая вонзилась рядом с лошадью Люси. Кобыла заржала, встала на дыбы, сбросила седока.

— Люси! — закричала Сара, прыгивая на землю, подхватывая подругу за плечи. — Ты цела?

— Цела, — прохрипела Люси, вставая. — Но Кэтрин... они увезли Кэтрин!

Гроза лаяла, заливаясь, и её лай был страшнее воя бури — в нём слышалась не только ярость, но и бессилие. Собака рванула в сторону скал, туда, где скрылись индейцы, но через несколько секунд вернулась — растерянная, с поджатым хвостом.

— Туда, — Сара указала рукой в облако пыли. — Они поскакали к старой тропе, за каньон.

— Догоним! — Люси вскочила в седло, не обращая внимания на испуганную лошадь. Та бежала, чувствуя волю хозяйки.

Они скакали, сколько могли. Ветер хлестал в лица, песок забивал глаза, и Сара, потерявшая очки, видела только размытые пятна — серое небо, серую землю, и впереди, мелькающий между скал, чёрный силуэт всадника, увозящего Кэтрин.

— Держись! — кричала Люси, прищипывая лошадь. — Мы почти...

Но буря была сильнее. Она сдувала следы, засыпала колею, размывала очертания тропы. Лошади спотыкались, тяжело дышали, и через десять минут бешеной скачки Люси поняла — они потеряли их.

Она остановилась, сползла с седла и упала на колени.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет...

Сара подъехала, спешила, обняла подругу. Они стояли, прижавшись друг к другу, и ветер выл вокруг, как будто оплакивал то, что случилось.

— Смотри, — сказала Сара, показывая рукой.

В пяти шагах от них, присыпанная песком, лежала голубая шляпка Кэтрин. Вуаль, тонкая и кружевная, трепетала на ветру, как крыло подбитой птицы. Люси подняла её, прижала к груди и заплакала. Беззвучно, только плечи вздрагивали.

— Мы найдём её, — сказала Сара, и голос её был твёрдым, хотя слёзы тоже текли ручьём, оставляя грязные дорожки на пыльных щеках. — Мы найдём. Но сейчас нужно ехать в город. К шерифу. Он должен помочь.

— Шериф, — Люси подняла голову, и в её глазах, мокрых от слёз, загорелся тот самый огонь, который когда-то горел перед налётами. — Шериф соберёт людей. Мы обыщем каждую ложбину, каждый каньон. Мы вернём её.

Они вскочили на лошадей и поскакали обратно, в сторону Твин-Форкса. Гроза бежала рядом, не отставая, и её чёрная шерсть сливалась с серым песком.

Сзади остались буря, скалы и следы, которых больше не было.

Впереди ждал город, шериф и надежда — последняя, какая бывает у тех, кто отказывается сдаваться.

А голубая шляпка, которую Люси привязала к луке седла, трепетала на ветру, как знамя, как клятва: мы вернёмся за тобой, Кэтрин Харрис. Даже если для этого придётся перевернуть всю прерию.

Глава 3.

Лондон встретил молодожёнов серым, вымокшим небом и запахом угля, лошадиного навоза и чего-то сладковато-приторного — то ли цветы с рынка, то ли духи, которые щедро лили на себя местные щёголи. Темза, широкая и мутная, текла под мостом, как живое существо — тяжёлое, неспешное, полное скрытой силы. На её берегах громоздились здания: старые, почерневшие от копоти, с тысячами окон, в которых отражались низкие облака.

Джоан стояла у перил набережной, вцепившись в каменный парапет так, будто боялась, что её унесёт ветром. Рядом, чуть позади, замер Николас. Он не касался её — чувствовал, что сейчас не время для прикосновений, — но был так близко, что она ощущала тепло его тела сквозь плотную ткань дорожного плаща.

— Ты как? — спросил он тихо.

Она не ответила. Глаза её, зелёные, яркие, скользили по набережной, по экипажам, которые громыхали по булыжной мостовой, по лакеям в ливреях, по леди в пышных кринолинах, которых вели под руку джентльмены в цилиндрах. Всё это было так далеко от Твин-Форкса, от пыльных улиц, от прерии, где ветер свободно гуляет между холмами, что казалось сном. Или кошмаром.

— Всё чужое, — наконец сказала она. — Воздух чужой. Люди чужие. Даже вода в этой реке пахнет не так.

— Это Лондон, — Николас осторожно взял её за локоть. — Самый большой город в мире. Здесь живёт больше людей, чем во всей нашей прерии.

— Поэтому я и хочу обратно, — она повернулась к нему, и он увидел в её глазах растерянность. — Но не могу. Не сейчас.

Она вынула из кармана пальто сложенный листок — тот самый, что прислал сыщик. На нём был адрес: «Белгрейв-сквер, 12, Лондон». Район, где живут аристократы, богачи, те, у кого титулы и земли. Дом, в котором сейчас живут её родители.

— Ты уверена, что хочешь идти? — спросил Николас. — Мы можем сначала снять комнату, отдохнуть с дороги, привести себя в порядок. Завтра...

— Нет, — Джоан выпрямилась, и в её голосе зазвенел знакомый металл. — Если я отложу, я не пойду никогда. А потом буду жалеть всю жизнь.

Он кивнул, не споря. Позвал кеб — двухколёсный экипаж, которые сновали по улицам, словно улы. Кучер, краснолицый ирландец с прокуренными усами, окинул их быстрым взглядом — пассажиры не похожи на лондонцев, но деньги у них есть, и это главное.

— Белгрейв-сквер, 12, — сказал Николас, помогая Джоан забраться внутрь.

Кеб тронулся, и они поехали по городу, который казался Джоан бесконечным. Улицы сменяли одна другую — широкие проспекты с колоннадами, узкие переулки, где из окон нижних этажей пахло жареным луком и стиркой, площади с фонтанами и статуями, сады, обнесённые чугунными решётками. Люди спешили по своим делам, не глядя друг на друга, и это одиночество в толпе было страшнее, чем пустота прерии.

— Они не улыбаются, — заметила Джоан.

— Кто?

— Все. Никто не улыбается.

Николас усмехнулся.

— В Нью-Йорке тоже не улыбаются. Это большие города. Здесь каждый сам за себя.

— У нас в Твин-Форксе улыбаются, — сказала она. — Даже те, кому тяжело. Потому что знают, что есть сосед, который поможет.

— Твин-Форкс теперь и наш дом, — тихо ответил он. — И мы туда вернёмся.

Кеб остановился перед чугунными воротами. Николас расплатился, помог Джоан выйти, и они оказались на Белгрейв-сквер — одной из самых фешенебельных площадей Лондона.

Дома здесь стояли как солдаты на параде: одинаково строгие, из светлого камня, с высокими окнами, пилястрами и лепниной. Перед каждым — маленький палисадник с подстриженными кустами самшита и ухоженными розами. И тишина — такая густая, что казалось, её можно резать ножом. Ни криков торговцев, ни грохота телег, ни пьяных песен. Только цоканье копыт по мостовой да шорох метлы, которой дворник подметает тротуар.

Дом номер двенадцать был больше других. Три этажа, мансарда, кованый балкон на втором. Над дверью — герб: лев и единорог, что-то на латыни. Джоан смотрела на него и чувствовала, как у неё немеют пальцы.

— Ты как? — снова спросил Николас.

— Ноги не слушаются, — призналась она. — И язык будто чужой.

— Я рядом, — он взял её за руку. — Идём.

Они поднялись по белым каменным ступеням. Джоан подняла тяжёлое бронзовое кольцо. Цок. Цок. Цок.

Звук получился глухим, неуверенным, но внутри, должно быть, услышали, потому что через полминуты дверь открылась.

На пороге стоял лакей — высокий, худой, в ливрее тёмно-синего цвета с серебряными пуговицами. Лицо его было непроницаемым, как у статуи, и только глаза — быстрые, цепкие — скользнули по приезжим, оценивая внешний вид.

— Слушаю вас, — произнёс он голосом, который не выражал ни радушия, ни враждебности. Обычная формула, отточенная годами.

Джоан сделала шаг вперёд, и её голос, который не дрожал даже когда на неё наставляли револьвер, сейчас сорвался на хрип:

— Мне нужно видеть хозяев дома.

— Хозяева не принимают без предварительной договорённости, — лакей чуть склонил голову. — Вы можете оставить свою карточку, и если...

— У меня нет карточки, — перебила Джоан, чувствуя, как внутри всё закипает — не гнев, а отчаяние, которое ищет выход. — Я не из Лондона. Я приехала из Америки. И мне нужно сказать им кое-что лично.

Лакей помедлил. Его взгляд стал ещё пристальнее — он заметил и дорожное платье Джоан, и то, что её ботинки запылились, и что её спутник хоть и выглядит как джентльмен, но слишком загорел для английского солнца.

— Ваше имя? — спросил он наконец.

Джоан выпрямилась. В её зелёных глазах зажглось то, что когда-то заставляло бандитов бросать оружие.

— Миссис Джоан Харрис, — сказала она чётко, разделяя каждое слово. — Передайте хозяевам, что их дочь приехала.

Лакей замер. Его непроницаемое лицо на секунду дрогнуло — бровь приподнялась, губы чуть приоткрылись. Он смотрел на Джоан, на её рыжие волосы, которые выбились из-под шляпки, на её фарфоровую кожу, на глаза — точь-в-точь такие же, как у леди, которая живёт на втором этаже.

— Сию минуту, — сказал он и, забыв о правилах приличия, почти бегом бросился в глубь дома.

Джоан осталась стоять на пороге, сжимая руку Николаса так, что побелели костяшки.

— Я сделала это, — прошептала она.

— Мы сделали, — он поднёс её пальцы к губам и поцеловал. — Теперь осталось только ждать.

Из глубины дома, где-то наверху, слышались шаги — торопливые, неровные.

Джоан закрыла глаза.

Сердце её колотилось, как бешеное.

Началось.

Глава 4.

Твин-Форкс встретил их всё той же пылью, всё теми же низкими домами, но теперь этот маленький городок, который они знали как свои пять пальцев, показался Люси и Саре невыносимо далёким от места, где нужна была их помощь. Копыта лошадей грохотали по главной улице, разгоняя редких прохожих, и Гроза, чёрная тень, бежала рядом, высунув язык, не отставая ни на шаг.

У конторы шерифа они спрыгнули с седел, даже не привязав лошадей. Люси рванула дверь, и та с грохотом ударилась о стену.

— Шериф! — закричала она, влетая внутрь. — Шериф Бейкер!

Бейкер сидел за столом, склонившись над бумагами. Он был грузным мужчиной с седыми бакенбардами и вечно усталым лицом человека, который видел в этом городе всё, но всё равно чему-то удивлялся. Увидев вбежавших девушек — раскрасневшихся, в пыли, с револьверами на поясах, — он откинулся на спинку стула.

— Что стряслось? Вы настоящие фурии. Где ваши манеры дамы? — спросил он, и в его голосе не было обычной лени. Он видел их лица.

— Кэтрин, — выдохнула Сара, хватая ртом воздух. — Кэтрин Харрис. Её похитили индейцы сиу. На старой дороге, у скал. Мы направлялись на их ранчо.

Бейкер медленно поднялся. Его лицо побледнело под загаром.

— Индейцы? Вы уверены?

— Мы стреляли в них, — сказала Люси, и её голос дрожал от гнева и отчаяния. — Они стреляли в нас. Увезли её прямо у нас из-под носа. Но из-за песчаной бури мы не смогли их догнать. Но мы видели их раскраску, их луки, их лошадей. Это были самые настоящие индейцы, чёрт возьми!

Шериф надел шляпу, вышел из-за стола.

— Сколько их было?

— Пятеро. Или шестеро. Буря мешала.

— Раненые?

— Одного я задела в плечо, — сказала Сара. — Второго Люси — в бедро. Они не бросили своих.

Бейкер кивнул, и его лицо стало жёстким.

— Значит, они не дикие охотники, которые нападают ради добычи. Если они не бросили раненых — у них есть вождь, есть порядок. Это плохо. И хорошо.

— Что хорошего? — почти закричала Люси.

— Хорошего — то, что они не убили её сразу. Им нужна живая. Значит, есть время.

Он вышел на крыльцо, оглядел площадь. Люди уже собирались — грохот копыт и крики девушек привлекли внимание. Из лавки Пенна выглядывал старик, из салуна вышли несколько ковбоев, кузнец опустил молот и вышел из своей мастерской.

— Слушайте все! — рявкнул Бейкер, и его голос, привыкший командовать, разнёсся над площадью. — Мисс Кэтрин Харрис похищена индейцами у старой дороги. Я собираю отряд. Кто со мной?

На секунду повисла тишина — такая густая, что стало слышно, как где-то скрипит флюгер на крыше церкви. А потом площадь взорвалась.

— Я!

— Мы!

— Скажи только когда!

Люди бежали со всех сторон. Фермеры, бросившие поля, ковбои, отложившие кружки с виски, лавочники, закрывавшие ставни. Кто-то уже седлал лошадей, кто-то проверял ружья, кто-то просто стоял и сжимал кулаки.

— Мисс Харрис всегда помогала нашей семье, — сказал старый Пенн, выходя на крыльцо. — Когда моя внучка болела, это она привезла лекарства. Я с вами.

— И я, — сказал кузнец, здоровенный парень с руками, покрытыми чёрной копотью. — Она приходила ко мне заказывать подковы для приютских лошадей. За свой счёт.

— И я! И я! — голоса звучали со всех сторон.

Люси смотрела на это и не могла вымолвить ни слова. Глаза её щипало — не от песка, а от слёз, которые она сдерживала из последних сил.

— Видишь, — тихо сказала Сара, беря её за руку. — Они все помнят. Она не одна.

— Мы должны найти её, — прошептала Люси. — Мы обязаны.

Шериф тем временем уже отдавал распоряжения:

— Браун, проверь оружие. Миллер, собери провизию на несколько дней. Смит, оседлай запасных лошадей. Выезжаем через час. У кого нет лошади — берите у меня в конюшне. Это не облава на кайотов, это спасение человека. И я не потерплю трусости.

— Не будет трусости, — ответил кто-то из толпы. — Мы все знаем, что такое честь.

Сара и Люси, оставив лошадей у конторы, побежали к телеграфу. Маленькая будка на окраине площади, где худой, вечно кашляющий телеграфист мистер Хопкинс принимал и

отправлял сообщения во все концы страны. Они ворвались внутрь, и Хопкинс, увидев их лица, не стал задавать лишних вопросов.

— Куда? — спросил он, берясь за ключ.

— Лондон, — выдохнула Сара, вытаскивая из кармана сложенный листок. — Вот адрес. Джоан оставила его перед отъездом. На всякий случай.

— На всякий случай, — горько повторила Люси. — Кто ж знал, что этот случай настанет так скоро.

Сара продиктовала текст, и Хопкинс застучал ключом. Точки, тире, точки — сухой, деловой язык, который нёс весть через океан:

«Кэтрин похищена индейцами. Увезли к скалам. Шериф собирает отряд. Возвращайтесь как сможете. Люси, Сара».

— Всё, — сказал Хопкинс, поднимая голову. — Отправил. Дойдёт через несколько часов. Если там, в Лондоне, у адресата примут.

— Примут, — сказала уверенно Люси. — Джоан получит. И приедет.

— Успеет ли? — спросила Сара, и в её голосе прозвучало то, чего она не показывала при шерифе — страх.

— Должна, — ответила Люси, но в её глазах тоже застыл вопрос.

Они вышли из телеграфной будки. На площади уже кипела работа: мужчины седлали лошадей, проверяли ружья, загружали в перемётные сумы банки с консервами, патроны, фляги с водой. Женщины приносили хлеб, мясо, тёплые одеяла. Дети стояли в сторонке и смотрели большими глазами — они ещё не понимали, что происходит, но чувствовали, что это очень важно.

— Мисс Уолш! Мисс Кендал! — окликнул их шериф. — Вы едете с нами?

— А вы сомневаетесь? — спросила Люси, подходя к своей лошади.

— Тогда берите оружие и побольше патронов. Индейцы не отдадут добычу просто так.

— Мы знаем, — сказала Сара. — Мы умеем стрелять.

— Знаю, — усмехнулся Бейкер, но усмешка вышла грустной. — Весь город знает.

Он отошёл, отдавая новые распоряжения, а Люси и Сара остались стоять у лошадей. Гроза сидела рядом, положив голову на лапы, и смотрела на них преданными чёрными глазами.

— Она вернётся, — сказала Люси, глядя собаку. — Мы её вернём.

— Вернём, — согласилась Сара.

Но в душе у обеих было темно, как в той песчаной буре, которая унесла их подругу.

Через час отряд выехал. Тридцать всадников — фермеры, ковбои, лавочники, сам шериф, и две женщины.

Пыль поднималась над главной улицей, и жители Твин-Форкса стояли на обочине, провожая спасательный отряд взглядами. Женщины прижимали руки к груди, мужчины сжимали кулаки, дети махали вслед.

— Возвращайтесь! — крикнул кто-то из толпы.

— Привезите её домой!

— Мы будем ждать!

Люси оглянулась на город, который стал был для неё родным, и подумала о том, как странно устроена жизнь. Ещё год назад она разносила виски в салуне и мечтала о справедливости. Теперь она скакала спасать девушку, которую полюбила как сестру.

— Держись, Кэтрин, — прошептала она в ветер. — Мы идём.

А за ними, где-то далеко-далеко, через океан, в Лондоне, в большом доме на Белгрейв-сквер, рыжеволосая женщина и её муж стояли в гостиной и ждали, когда хозяева спустятся к ним...

Глава 5.

В гостиной было тихо. Тишина эта была особенной — лондонской, плотной, приправленной шёпотом догорающих свечей в канделябрах и лёгким поскрипыванием паркета под ногами. Высокие окна выходили на Белгрейв-сквер, где уже зажгались газовые фонари, разгоня сумерки жёлто-белым светом. Мебель — тяжёлая, красного дерева, с бархатной обивкой — стояла так, будто её расставили раз и навсегда, не допуская ни малейшего беспорядка. Портьеры из тёмно-зелёного дамаста были задвинуты, и только узкая щель между ними пропускала в комнату холодный вечерний воздух.

Джоан стояла у камина. Она не садилась — не могла. Ноги держали её, но казалось, что стоит ей расслабиться, и они подогнутся. Николас был рядом, его рука лежала на её пояснице, тёплая, тяжёлая, как якорь, который не даёт кораблю уйти в открытое море. Она слышала его дыхание — ровное, спокойное, — и это помогало.

Из глубины дома, где-то наверху, раздались шаги. Не торопливые, как несколько минут назад, а размеренные, достойные. Шаги людей, привыкших к тому, что мир вращается вокруг них.

Джоан подняла голову.

По широкой лестнице, обитой ковровой дорожкой, спускались двое.

Впереди — мужчина. Высокий, поджарый, с рыжими волосами, тронутыми сединой на висках. Его лицо было волевым, с тонкими губами и прямым носом. Одет он был в безупречный чёрный сюртук, белоснежную рубашку и шейный платок, заколотый сапфировой булавкой. Он держался прямо, как солдат, и только пальцы его правой руки, сжимавшие перила, чуть заметно дрожали.

За ним, чуть поотдадь, шла женщина.

Джоан увидела её — и у девушки перехватило дыхание.

Женщина была светловолосой, с волосами цвета спелой пшеницы, уложенными в замысловатую причёску. На ней было платье из бледно-голубого шёлка, с кружевным воротником и пышными рукавами. Но не платье приковало взгляд Джоан. И не драгоценности — сапфировые серьги и брошь, которые сверкали в свете свечей.

Её лицо.

Тот же овал, та же фарфоровая кожа, тот же разрез и цвет глаз. И форма — точь-в-точь как у Джоан. Нос — тот самый, прямой, красивый. И линия губ безупречно изящная, чуть капризная.

Джоан смотрела на эту женщину и видела себя. Через двадцать лет. Ухоженную, богатую, но с той же печатью одиночества на лице, которую не могут скрыть ни румяна, ни дорогие наряды.

— Маргарет, — тихо сказал мужчина, предлагая жене руку.

Но Маргарет уже не слушала.

Она увидела Джоан. Увидела её рыжие волосы — огненные, как у её мужа в молодости. Увидела зелёные глаза — свои собственные, только ярче, живее. Увидела тонкую фигуру, сжатую в струну.

— Боже... — выдохнула она.

И побежала.

Она бежала по паркету, неловко, нелепо, как молодая девушка, забыв о возрасте, о достоинстве, о том, что леди не бегают. Её туфельки стучали по полу, кружевной платок выпал из рук и упал на ковёр, но она не заметила.

— Дитя моё... — её голос сорвался на всхлип. — Дитя...

Она протянула руки к Джоан, и в её зелёных глазах стояли слёзы.

Но Джоан отшатнулась.

Она сделала шаг назад, потом ещё один, и упёрлась спиной в грудь Николаса. Он обхватил её за плечи, прижал к себе, и она почувствовала, как его сердце бьётся — часто, тревожно.

— Не надо, — прошептала Джоан. — Не сейчас. Я не...

Она не могла говорить. Горло перехватило, язык прилип к нёбу. Она смотрела на эту женщину — свою мать, — и не могла вымолвить ни слова. В голове шумело, как однажды, в той песчаной буре, которая налетела на них с Сарой и Люси в прерии. Только сейчас буря бушевала внутри.

Маргарет остановилась в двух шагах. Её руки бессильно опустились. Она смотрела на Джоан с такой болью, с такой тоской, что у Николаса, на секунду, сжалось сердце.

— Дочь моя, — сказала она тихо. — Ты не представляешь, как я ждала этого дня.

Мужчина — Джон, как назвала его жена, — подошёл медленнее. Его лицо, сохранявшее внешнее спокойствие, выдавали глаза — тёплые, влажные, внимательно изучающие каждую черту лица Джоан. Он остановился рядом с Маргарет, положил руку ей на плечо.

— Маргарет, дорогая, — сказал он негромко. — Дай им время. Дай нам всем время. Не торопись пожалуйста.

Он перевёл взгляд на Николаса, оценивающе, но без враждебности. Потом снова на Джоан.

— Миссис Харрис, — произнёс он, и в его голосе, несмотря на сдержанность, дрожала едва уловимая нотка. — Вы... вы очень похожи на мою мать. Такую же рыжую, такую же... огненную.

Джоан молчала. Николас ответил за неё:

— Моя жена не привыкла к... таким сценам. Мы приехали из Америки. Дорога была очень долгой.

— Понимаю, — Джон кивнул. — Понимаю. Присаживайтесь, прошу вас. — Он указал на кресла у камина. — Стюарт, — Джон повысил голос, и из полумрака гостиной бесшумно вынырнул тот самый лакей, — принесите нам чаю. И бренди.

— Слушаюсь, сэр, — лакей исчез так же беззвучно, как появился.

Маргарет всё ещё смотрела на Джоан. Она опустилась в кресло, но её пальцы судорожно теребили платок — тот самый, накрахмаленный, белый, который она Джон поднял с пола и протянул жене. Взгляд её не отрывался от лица дочери.

— Садитесь, пожалуйста, — повторил Джон, усаживаясь напротив.

Николас подвёл Джоан к дивану, помог сесть, а сам сел рядом защитник, опора, стена.

Тишина затянулась. Слышно было, как потрескивают дрова в камине, как где-то на кухне позвякивает посуда, как за окном цокают копыта проезжающего экипажа.

— К нам уже не в первый раз приходят, — сказал наконец Джон, и в его голосе послышалась усталость. — Не вы лично, миссис Харрис, но... такие, как вы. Молодые женщины, которые называют себя нашей дочерью.

Джоан подняла голову. В её глазах зажглось что-то — не гнев, а холодное, колючее понимание.

— Я не называю себя вашей дочерью, — сказала она, и голос её, наконец, обрёл твёрдость. — Я и есть ваша дочь.

— Многие так говорили, — мягко возразил Джон. — Но когда дело доходило до доказательств... — он развёл руками. — Простите нашу осторожность, миссис Харрис. Но мы с женой уже много лет живём с болью. И мы научились защищать себя от... ложных надежд.

— Джон, — Маргарет повернулась к мужу, и её голос дрогнул. — Ты только посмотри на неё. Посмотри внимательно. Это же наша малышка. Тот же профиль. Те же глаза, те же волосы.

— Маргарет, ты думаешь сердцем, — ответил Джон, и в его голосе прозвучала боль. — А нужно думать головой. Мы уже обжигались.

— Я никогда не обжигалась, — прошептала Маргарет. — Потому что никогда не переставала надеяться.

Она снова посмотрела на Джоан. Пальцы Маргарет сжимали платок так сильно, что побелели костяшки.

— Расскажите нам, — попросила она. — Всё, что помните. Всё, что знаете.

Джоан глубоко вздохнула. Ей хотелось встать и уйти. Но она сдержалась. Она умела сдерживаться — этому научил её приют. И прерия. И одиночество в домике у озера.

— Я не помню ничего, — сказала она ровно. — Я не помню ни лиц, ни имён, ни даже своего настоящего имени. Меня назвали Джоан в приюте. Потому что принесли в корзине в день святой Иоанны.

Маргарет всхлипнула. Джон закрыл глаза на секунду.

— Я выросла в приюте, — продолжала Джоан. — Нас кормили, одевали, но не любили. Это не жалоба. Потом я ушла, жила одна, рисовала картины. И никогда не искала своих родителей. Потому что думала — раз они меня бросили, значит, не нужна им.

— Не бросали, — прошептала Маргарет. — Никогда не бросали.

— А потом, — Джоан не обратила внимания на её слова, — я вышла замуж. И мой муж, — она чуть повернула голову, взглянув на Николаса, — нанял частного сыщика. Чтобы тот нашёл сведения о вас.

Николас встал, шагнул вперёд, достал из внутреннего кармана сложенный листок и протянул Джону.

— Это телеграмма от сыщика, — сказал он. — Здесь всё: отчёты, записи из церковных книг, показания слуг вашего отца, которые помнят тот день. И... результаты осмотра доктора. Родинка на левой лопатке. Форма ушной раковины. Всё, что может подтвердить, что Джоан — ваша дочь.

Джон взял телеграмму. Пальцы его дрожали, когда он разворачивал листок. Он читал долго, вглядываясь в каждую строчку, и чем дальше он читал, тем бледнее становилось его лицо.

— Джон? — Маргарет подалась вперёд. — Что там?

Он не ответил. Дочитал, перечитал последний абзац, потом поднял глаза на Джоан. Его взгляд, такой сдержанный и холодный несколько минут назад, теперь стал мягким, почти умоляющим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.